Братья Гримм

Фридер и Катерлизхен

Жил-был человек, звали его Фридер, и была девушка, звали ее Катерлизхен; вот поженились они и стали жить вместе, как молодые муж и жена. Однажды говорит Фридер:
— Я поеду на поле, а ты, Катерлизхен, приготовь к моему возвращению чего-нибудь поесть, чтоб голод заморить, да свежего пива глоток, чтоб жажду утолить.
— Ступай, Фридерхен, — отвечала Катерлизхен, — ступай, я всё тебе приготовлю.
Подошло время обедать, и достала она из трубы копченую колбасу, взяла сковородку, положила на нее масла и поставила ее на огонь. Начала колбаса поджариваться и шипеть, а Катерлизхен стоит, держит сковородку за ручку и думает: «Пока колбаса изжарится, надо бы сходить в погреб да пива нацедить». Поставила она сковородку на огонь, взяла кружку, спустилась в погреб и стала наливать пиво. Бежит пиво в кружку; смотрит Катерлизхен, и вдруг ей приходит в голову: «Эх, а собака-то ведь не привязана; чего доброго, она колбасу со сковородки стащит. Хорошо, что я еще вовремя вспомнила», — и вмиг выбежала она из погреба.
Но дворняжка тем временем схватила уже колбасу и тащит ее по двору. А Катерлизхен, не будь ленива, погналась за собакой; гонит она ее по полю. А собака-то была куда попроворней, чем Катерлизхен: колбасы изо рта не выпускала и стала удирать со всех ног. «Ну, что пропало, то пропало!» — сказала Катерлизхен, вернулась назад, а так как бежать она утомилась, то стала идти медленней, чтобы отдышаться.
А в это время пиво все бежало и бежало из бочки, — кран-то ведь Катерлизхен завернуть позабыла; и когда кружка наполнилась до самого края, начало пиво литься на пол и лилось оно до тех пор, пока вся бочка не вылилась. Уже на лестнице Катерлизхен увидала, что за беда приключилась.
«Вот так-так! — воскликнула она. — Что же мне теперь делать; чтобы Фридер не заметил?» Она подумала и, наконец, вспомнила, что стоит у ней на чердаке мешок хорошей пшеничной муки, купленный еще в прошлом году на ярмарке, и она решила снести его в погреб и посыпать мукой там, где разлилось пиво.
«Да, — сказала она, — кто вовремя что сберегает, тому оно в беде помогает», — полезла она на чердак, притащила мешок с мукой и бросила его как раз на кружку с пивом; опрокинулась кружка, и разлилось пиво на пол. «Правильно говорится, — сказала Катерлизхен, — что беда беду погоняет», — и стала она рассыпать муку по всему погребу. Сделав это, она осталась своей работой очень довольна и сказала: «Как стало здесь, однако, чисто и хорошо».
В полдень воротился Фридер домой.
— Ну, жена, что ж ты мне на обед приготовила?
— Ах, Фридерхен, — ответила она, — хотела я тебе колбасы изжарить, да стала пиво к обеду наливать, а собака колбасу со сковородки стащила; пока я за собакой гналась, все пиво из бочки выбежало; хотела я пиво мукой присыпать, да кружку с пивом опрокинула; но ты будь спокоен — в погребе уже сухо.
И сказал Фридер:
— Ах, Катерлизхен, Катерлизхен, не надо было так делать! Можно ли было оставлять колбасу, чтоб собака ее стащила, а пиво из бочки выбежало, да еще засыпать его самой лучшей мукой.
— Да ведь я же, Фридерхен, не знала, ты бы мне раньше об этом сказал.
Муж подумал: «Если и дальше будут с моей женой такие случаи приключаться, то придется мне самому кое-что придумать».
Он скопил круглую сумму талеров, обменял их на золото и говорит Катерлизхен:
— Видишь, эти вот желтые кружочки спрячу я в кубышку и закопаю в хлеву под коровьими яслями. Но ты смотри, кубышки этой не трогай, а не то плохо тебе будет.

— Нет, Фридерхен, я трогать ее не стану, — ответила Катерлизхен.
Вот раз мужа не было дома, а в это время явились в деревню купцы продавать глиняные горшки и миски, и они спросили молодую женщину, не купит ли она у них чего из их товара.
— Да вот, милые люди, — говорит им Катерлизхен, — денег-то у меня нету, купить мне не на что; если вам нужны желтые кружочки, то я, пожалуй, тогда и купила бы что-нибудь.
— Желтые кружочки пожалуй что и пригодятся, а покажи-ка их нам.
— А вы ступайте в хлев да поройтесь, они закопаны под коровьими яслями, вот там и найдете желтые кружочки, а мне с вами вместе идти туда никак нельзя.
Вошли плуты-продавцы в хлев, стали там копаться и нашли чистое золото. Схватили они его и убежали, а свои горшки да миски в доме оставили. Катерлизхен подумала, что новая-то посуда ей пригодится; а было ее в кухне у нее достаточно, и вот повыбивала она у всех горшков донышки и нацепила горшки на заборные столбы вокруг дома вместо украшения.
Воротился Фридер домой, увидал такую обнову и говорит:
— Катерлизхен, что это ты наделала?
— Да я купила их, Фридерхен, за те желтые кружочки, что спрятаны были под коровьими яслями; сама я туда не ходила, торговцы их сами выкопали.
— Ах, жена, жена, — говорит Фридер, — что же ты наделала! Да ведь это ж были не желтые кружочки, было то чистое золото — все наше богатство; разве можно было так делать?
— Фридерхен, да ведь я, — говорит жена, — об этом не знала. Надо было мне раньше о том сказать.
Постояла Катерлизхен, подумала и говорит:
— Послушай, Фридерхен, ведь золото можно назад вернуть, давай побежим за ворами.
— Что ж, — говорит Фридер, — давай попробуем; только захвати с собой хлеба и сыру, чтоб было чем в дороге закусить.
— Ладно, Фридерхен, я возьму.
Отправились они в погоню, и так как Фридер ходил быстрей, то и шел он впереди Катерлизхен. «А мне еще лучше, — подумала она, — когда надо будет домой возвращаться, я окажусь впереди». Вот подошла она к горе, где по обеим сторонам дороги были глубокие рытвины. «Гляди-ка, — молвила Катерлизхен, — как они землю-то всю поизрезали, поизрыли, измяли. За весь свой век она никогда не заживет». А было сердце у нее жалостливое, взяла она масло и намазала им колеи справа и слева, чтоб колеса не так их давили; нагнулась она, их жалеючи, а сыр у ней из сумки и выпал и покатился с горы.
Говорит Катерлизхен: «Ну, раз уж взобралась я на гору, то вниз за тобой спускаться не стану, пусть уж другой за ним побежит и приведет его назад». Взяла она другой сыр и скатила его вниз. Но сыры назад не вернулись. Тогда сбросила она и третий сыр и подумала: «Может быть, они ждут третьего, — одни не хотят возвращаться?» А три сыра все не возвращаются и не возвращаются; вот она и говорит: «Не знаю, что тут и подумать. Пожалуй, третий не нашел дороги да заблудился; надо будет послать за ним четвертый, чтоб позвал он их назад». Но и с четвертым сыром случилось то же, что и с третьим.
Рассердилась тогда Катерлизхен, сбросила вниз и пятый, и шестой, а они были у ней последние. Некоторое время стояла она и ждала, не вернутся ли они назад, а они всё не возвращались; тогда она и говорит: «О, вас хорошо бы за смертью посылать; долго вы что-то ходите; небось думаете, что я буду вас тут дожидаться? Я пойду, а вы уж меня сами нагоните, ноги-то у вас помоложе моих будут».
И Катерлизхен ушла и нашла Фридера; он стоял, ее дожидался, — есть ему очень захотелось.
— Ну, дай-ка мне чего-нибудь поесть. — Она подала ему сухой хлеб.

— А где же масло и сыр? — спрашивает муж.
— Ах, Фридерхен, — говорит Катерлизхен, — маслом я колеи вымазала, а сыры, те скоро вернутся; один у меня из сумки выкатился, я и послала за ним вдогонку другие, чтоб позвали они его назад.
Говорит Фридер:
— Не надо было, Катерлизхен, так делать! Не надо было маслом дорогу намазывать и сыры с горы скатывать.
— Это правда, Фридерхен; чего же ты мне раньше о том не сказал?
Поели они сухого хлеба, а Фридер и спрашивает:
— А заперла ли ты дом, когда уходила?
— Нет, Фридерхен; отчего ты мне раньше о том не сказал?
— Так ступай домой, сначала дом запри, а потом уж пойдем дальше; да принеси чего-нибудь поесть, а я подожду тебя здесь.
Пошла Катерлизхен домой и думает: «Надо будет принести Фридерхену поесть чего-нибудь другого, сыр и масло ему, видно, не нравятся, — принесу-ка ему мешок сушеных груш да кружку уксуса. Заперла она на засов верхнюю дверь в доме, а нижнюю сняла с петель, взвалила ее на плечи и пошла, думая, что если дверь возьмет с собой, то в дом никто уже не заберется.
Катерлизхен идет себе медленно, не торопясь и думает: «Пусть Фридерхен отдохнет подольше».
Подошла она к нему и говорит:
— Вот, Фридерхен, тебе и дверь от дома; теперь ты можешь сам дом сторожить.
— Ах, господи, — сказал он, — какая у меня умная жена! Нижнюю дверь сняла, чтобы всякий мог в дом забраться, а верхнюю заперла на засов. Теперь поздно уже домой назад возвращаться, а раз ты дверь сюда принесла, то и тащи ее теперь сама дальше.
— Дверь-то, Фридерхен, я потащу, а сушеные груши да кружку уксуса мне будет нести тяжело. Повешу я их на дверь, пускай она их несет.
Пошли они в лес, стали разыскивать плутов-продавцов, но не нашли их. Стало уже, наконец, в лесу темнеть; взобрались они на дерево и решили там заночевать. Только уселись они на верхушке дерева, как подошли к дереву люди, которые уносят то, что за ними само идти не хочет, и находят вещи, прежде чем кто-нибудь их потеряет. Они уселись как раз под дерево, на котором сидели Фридер и Катерлизхен, развели костер, собираясь делить между собой добычу. Тогда Фридер спустился с дерева на другую сторону и набрал камней, а затем снова влез на дерево и хотел убить воров насмерть. Стал он бросать в них камни, но всё не попадал, а воры и говорят: «Скоро, пожалуй, начнет светать, вот ветер сбивает уже с елей шишки».
А Катерлизхен все держала дверь на плечах, но стало ей под конец тяжело, и подумала она, что виной тому сушеные груши, и говорит:
— Фридерхен, сброшу-ка я сушеные груши вниз.
— Нет, Катерлизхен, сейчас делать этого не надо, а то воры могут нас заметить.
— Ах, Фридерхен, я не могу, очень уж мне тяжело.
— Ну, так бросай, черт возьми!
И посыпались груши вниз сквозь ветки, а плуты-продавцы внизу и говорят: «Это птицы помет сбрасывают». А дверь всё по-прежнему давит плечи; тут вскоре Катерлизхен и говорит:
— Ах, Фридерхен, надо и уксус, пожалуй, вылить.
— Нет, Катерлизхен, не делай ты этого, не то они нас заметят.
— Ах, Фридерхен, я больше не могу, уж больно мне тяжело.
— Ну что ж, выливай, черт возьми!
Вылила она уксус и облила им плутов-продавцов. Вот они и говорят меж собой: «Это падает уже

роса».
И подумала, наконец, Катерлизхен: «А не дверь ли это такая тяжелая?» и говорит:
— Фридерхен, сброшу-ка я дверь.
— Нет, Катерлизхен, сейчас не надо этого делать, а то они нас заметят.
— Ах, Фридерхен, я не могу больше, уж больно мне тяжело.
— Нет, Катерлизхен, а ты держи покрепче.
— Ах, Фридерхен, я ее уроню.
— Ну, — ответил Фридер сердито, — и роняй, черт возьми!
И упала дверь с грохотом вниз; а плуты-продавцы как закричат: «Черт спускается с дерева!» — да как бросятся бежать и всё, что было у них, побросали. На рассвете спустились Фридер и Катерлизхен с дерева и нашли внизу все свое золото и понесли его домой.
Воротились они домой, а Фридер и говорит:
— Ну, Катерлизхен, теперь ты уж должна быть прилежной и хорошо работать.
— Ладно, Фридерхен, буду работать, — пойду на поле жать пшеницу.
Вышла Катерлизхен на поле и говорит про себя: «Поесть ли мне прежде, или жать, или сначала поспать, а потом уже жать? Э-э, поем я сначала». Поела Катерлизхен, а после еды ей спать захотелось; начала она жать, а была она сонная и порезала себе передник, юбку и рубашку. Вот проснулась после долгого сна Катерлизхен, встала полуголая и говорит про себя:
— Я ли это или не я? Ах, нет, это не я.
А меж тем наступила ночь; побежала Катерлизхен в деревню, стала в окошко к мужу стучаться и кричать:
— Фридерхен!
— Что там такое?
— Скажи мне, дома ли Катерлизхен?
— Да, да, — ответил Фридер, — она дома, лежит и спит.
А она говорит:
— Хорошо; стало быть, я уж дома, — и убежала.
Встретила Катерлизхен на улице воров, они воровать собирались. Подходит она к ним и говорит:
— Я вам помогу воровать.
Воры подумали: она, должно быть, здешние места знает, — и согласились. Катерлизхен подходила к домам и кричала:
— Люди добрые, есть ли у вас что? А то мы красть собираемся.
Подумали воры: «Так дело не пойдет», — и решили от Катерлизхен избавиться. Вот и говорят они ей:
— На краю деревни растет у пастора в огороде репа, ступай туда и нарви нам ее.
Пошла Катерлизхен на огород и начала рвать репу, села, и лень ей было подняться. А на ту пору шел мимо прохожий, посмотрел он, остановился и подумал, что это сам черт, должно быть, тащит репу. Побежал он в деревню к пастору и говорит:
— Господин пастор, а в вашем огороде черт репу тащит.
— Ах, господи, — ответил пастор, — нога-то у меня хромая, не могу я пойти на огород и черта прогнать.
Прохожий предложил:
— А я вам вместо костыля буду, — и он повел пастора на огород.
Приходят они на огород, а Катерлизхен в это время поднимается и встает во весь рост.
— Ох, да ведь это же черт! — закричал пастор, и как бросились они оба бежать! Ну, тут пастор со страху и хромать перестал, и бежал он со своей хромой ногой куда проворней, чем тот, кто привел

его на огород на своих здоровых ногах.